

Оглавление

Вступление	5
------------------	---

Часть первая. Время надежд

(записи 2016–2017 годов)

Глава 1. Как стать опекуном	11
Глава 2. Выбор ребенка	25
Глава 3. Детдом	38
Глава 4. Дом после детдома. Саша	53
Глава 5. Боевые действия	67
Глава 6. Две девочки: любовь и прочие неприятности... ..	77
Глава 7. Приют	87
Глава 8. Леша. Первые дни вместе	102
Глава 9. Леша vs семья	111
Глава 10. И снова детдом	122
Глава 11. Инопланетное вторжение: Оксаночка	135
Глава 12. Укрощение строптивой	148
Глава 13. Зачем все это нужно	158

Часть вторая. Время разочарований

(записи 2019–2020 годов)

Глава 14. Сложнее, чем хотелось бы	177
Глава 15. История одной адаптации	192
Глава 16. Еще одна девочка?!	207
Глава 17. Какие бывают бабушки	217
Глава 18. Напряжение и сопротивление	229
Глава 19. Волшебные таблетки	246
Глава 20. Госпитализация	265
Глава 21. Перспективы	278
Глава 22. Расставание	291
Глава 23. На этапе	305
Глава 24. Семья номер шесть	313
Глава 25. Пересуды	324
Глава 26. Перемены	336
Эпилог	347

Вступление

Я начала писать о своем приемном материнстве пять лет назад. В то время у меня было двое приемных детей. А еще у меня было куда больше оптимизма и куда меньше опыта. Первый текст я написала по просьбе моих друзей, которые тогда работали в журнале «Сноб». Я рассказывала им о том, как собирала документы, общалась с опекой, ездила в детдом, — о том, чего я ожидала и как все оказалось в реальности, — и в какой-то момент они сказали: «А напиши об этом». Я и написала. Сначала одну статью, потом еще одну, и еще, и еще. Сейчас я перечитала эти тексты с изрядной долей скепсиса. Я кажусь себе такой наивной! И такой легкомысленной.

Когда речь зашла о том, чтобы издать эти статьи в виде книги, я настроилась их переписать. Убрать благоглупости, добавить язвительности. Так будет честнее. Но потом я подумала, что переписывать прошлое вовсе нечестно. Ведь тогда я видела все именно так. Я была веселой, отчаянной, полной энтузиазма. Я верила, что любовь творит чудеса. Когда мне говорили о том, что у меня на глазах розовые очки, я думала: что с этими людьми не так? почему они настроены так мрачно?

Теперь я сама настроена довольно мрачно. И уже не верю в то, что любовь творит чудеса. То есть иногда, безусловно, творит. Но в случае с приемными детьми все гораздо сложнее. Предупреждали ли меня об этом? О да. Верила ли я в это? О нет. Да ладно вам, дети как дети. Да, травмированные и несчастные. Но и сами-то мы не так уж благополучны. Не надо нагнетать. Давайте решать проблемы по мере их поступления. Чуть больше терпения — и все получится.

Что-то, конечно, получится. Но не со всеми. И уж точно не всё.

При этом у меня и сейчас нет сомнений в том, что все дети должны жить в семье. Потому что именно детские дома, приюты и прочие сиротские учреждения деформируют психику ребят и не дают им развиваться, лишают их возможности стать обычными людьми. И вытащить оттуда хочется совершенно всех. Но иногда жизнь с таким травмированным ребенком — это очень тяжелая работа. И делать ее можно только при большой поддержке.

Увы, в наших реалиях такая поддержка — огромное везение. Обычно приемным родителям приходится разгребать все беды в одиночку. Часто, вместо того чтобы помочь им справиться с трудной ситуацией, именно их обвиняют во всех грехах. Все это бывает невыносимо. И провалы неизбежны.

Но я могла этого и не узнать. И продолжала бы считать, что любые проблемы решаемы, а любовь творит чудеса. Потому что с моей старшей приемной дочкой именно так и вышло. Все проблемы так или иначе решились, к нашей семье она очень привязалась, отличная девчонка, я ею

бесконечно горжусь. Хорошая история, правда? Если бы я ею ограничилась, моя вера в себя и в свои возможности осталась бы неизблемой, как скала. И мы были бы образцовой приемной семьей.

Вот только я не ограничилась. И узнала много грустного. Что ж теперь делать.

Пусть старые статьи все же остаются такими, какие они есть. Да, сейчас я смотрю на многое иначе, но факты в моих заметках не искажены, я всегда старалась быть честной. Зато как впечатляюще менялись мои настроения и взгляды! Я так бодро начинала — а под конец совершенно потеряла почву под ногами, иссякло даже мое неиссякаемое чувство юмора. Но это и есть тот опыт, которым важно поделиться. В случаях, когда мне показалось необходимым что-то прояснить и дополнить с позиции сегодняшнего дня, я даю комментарии в сносках.

Часть первая

Время надежд

(записи 2016–2017 годов)

Глава I

Как стать опекуном

Я обожаю детей и о том, чтобы взять ребенка из детдома, думала, кажется, всегда. Но я была уверена, что это очень непросто. Вдобавок все мужчины, с которыми у меня случались романы, сомневались даже в том, что стоит заводить собственных детей; о приемных и речи быть не могло. В 2013 году я одна растила пятнадцатилетнего сына Леву, одиннадцатилетнюю дочку Лею и только что рожденную малышку Ясю, с которой намеревалась оставаться дома как минимум до детского сада.

Тогда же я прочла множество статей, написанных в ответ на принятый нашей Думой запрет на усыновление российских детей американцами (так называемый закон Димы Яковлева). Из-за этих статей у меня сложилось впечатление, что без американцев мы просто пропадем: наши соотечественники и так неохотно берут детдомовцев, а уж детей с инвалидностью они и вовсе не берут. И эта тема меня не отпускала, я уже не могла перестать переживать за детдомовских детей. Стала смотреть базы с их анкетами, видеоролики, снятые в детдомах. И наконец подумала: раз я все равно сижу дома с ребенком, почему бы не взять еще одного и не сидеть сразу с двумя? Я осторожно поговорила об этом со старшими

детьми. Лева с сомнением пожал плечами, зато Лея пришла в восторг. Она принялась смотреть анкеты и ролики вместе со мной, мечтая о новом братике или сестренке.

Теперь я ращу не только троих кровных, но и двоих приемных детей, двенадцатилетнюю девочку и пятилетнего мальчика, и хочу рассказать о том, как сильно мои представления о приемном родительстве разошлись с реальностью. Конечно, это только мой опыт: то, с чем столкнулась я сама, и то, о чем мне рассказывали другие приемные родители; ни на какие глобальные обобщения я не претендую, чего-то наверняка не знаю, а в чем-то заблуждаюсь.

***

Я считала, что взять ребенка из детдома — какая-то сверхсложная процедура. Что надо собрать уйму документов, и на это способны только самые героические граждане. Но список необходимых документов оказался настолько скромным, что мне стало даже неловко: для получения некоторых виз надо приложить больше усилий. Самое трудозатратное — это пройти Школу приемных родителей (ШПР); обычно ШПР занимает пару месяцев. А еще нужны справки о том, что ты где-то работаешь, где-то живешь, не был судим по серьезным статьям и вполне здоров. Добывание этих справок носит, скажем так, механический характер: необходимо просто дойти до некоторого количества учреждений. Ты приходишь за справкой о несудимости — и тебе ее дают, никто тебя при этом ни о чем не спрашивает*. Даже сбор медицинских справок в моем случае был абсолютно

.....
* Сейчас за справкой о несудимости ходить не нужно, ее запрашивает сама опека.

формальным. Насколько помню, только в наркологическом диспансере меня попросили закатать рукав и посмотрели вены. Остальные доктора поставили свои штампики, не вдаваясь в детали моего физического состояния.

Мне казалось, что у людей, которые хотят взять детей, должно быть довольно много денег, и я не пройду по этому критерию: всю жизнь работаю редактором с крайне скромной зарплатой, хорошо хоть папы детей помогают. Но выяснилось, что нужно всего лишь подтвердить свои доходы в пределах прожиточного минимума на каждого члена семьи. В Москве в 2015 году прожиточный минимум был около 12 000 рублей в месяц*. А уж если твои доходы превышают этот самый прожиточный минимум, то считается, что они о-го-го! Вдобавок, когда ты берешь ребенка, тебе ежемесячно перечисляют деньги на его содержание. Сколько — зависит от региона и от типа семейного устройства; в Москве эта сумма в любом случае не меньше того самого прожиточного минимума. В формате приемной семьи ты получаешь еще и зарплату. Что касается количества квадратных метров жилплощади, никакой нормы тут нет. Ну, то есть, если у тебя однокомнатная квартира, а ты хочешь взять пятерых, опека, наверное, усомнится в твоей способности комфортно разместить всю тусовку. Но если одного — да запросто**.

Я думала, что незамужним женщинам детей не дают или дают крайне неохотно. Ладно, если бы у меня не было своих — ну, понятно, что женщина хочет, а не сложилось.

.....
* На конец 2020 года эта сумма составляет 19 700 рублей.

** Такие нормы постоянно пытаются ввести, и сейчас взять в однокомнатную квартиру ребенка, особенно старшего возраста и другого пола, разрешат едва ли. Придется бороться или искать другое жилье.

Но если своих трое... Однако в Школе приемных родителей выяснилось, что в нашей группе на три семейные пары приходится шесть незамужних дам, и почти у всех есть дети. И эта статистика потом подтвердилась: незамужние женщины берут детей не реже семейных. Наличие партнера женщине иногда только мешает: сама бы взяла, а вот муж против. А раз ты одна, то сама себе хозяйка, и тут уже никаких разногласий. Что до собственных детей — они воспринимаются скорее как плюс; раз у мамы есть свои дети, значит, есть и опыт, и среда для воспитания приемного ребенка: в общении с новыми братьями и сестрами он лучше развивается, и ему есть с кого брать пример, чтобы выстраивать здоровые отношения с семьей и с миром. Вдобавок у людей с собственными детьми, помимо опыта, еще и гораздо меньше иллюзий, чем у бездетных, которые порой наивно надеются на то, что малыш окажется тихим ангелом, несущим в дом лишь радость.

Вдобавок оказалось, что слово «дают» в отношении приемных детей вообще неуместно. Потому что ты сама ищешь ребенка и его выбираешь. Только ты решаешь, какого он должен быть возраста и пола. Ты смотришь базы и можешь познакомиться с кем захочешь. Получив от опеки заключение о праве быть усыновителем или опекуном, ты можешь взять ребенка из любого приюта, детдома и дома ребенка по всей стране. Я думала, опека как-то ограничивает этот размах, но нет, пожалуйста, вези хоть из Магадана*.

---

* В теории так, но на практике регионы все же привечают только собственных детей, ввоз ребенка из Магадана чреват проблемами с получением денег на его содержание и оформлением местных льгот. Более или менее благополучным детям, особенно маленьким, обычно находят родителей в их же регионе; земляки всегда имеют преимущество.

Вообще же у меня с самого начала была довольно жалкая позиция — я все переживала: понравлюсь я опеке или не понравлюсь, дадут мне ребенка или не дадут... Как если бы я была попрошайкой у парадного подъезда или абитуриентом на вступительном экзамене. Казалось, мне придется доказывать: я смогу, я сумею! И я прокручивала у себя в голове эти самые доказательства, воображая, как излагаю их строгой опеке. Но потом я научилась смотреть на вещи иначе. Государству приходится заботиться о детях, оставшихся без попечения родителей. Семейное устройство — приоритетная форма размещения ребенка-сироты. Я, как ответственная гражданка, готова взять чужого ребенка в свою семью, предоставив ему наилучшие условия для развития. Дело опеки — помочь мне в этом благом начинании. Мы вместе защищаем право ребенка на семью, преодолевая возникающие препятствия. Такой взгляд существенно экономит нервы! Особенно учитывая, что люди в опеках работают разные.

Я много читала о работниках опеки, которые ходят по квартирам и ставят родителям на вид, что у детей грязные носки, а на обед они едят одни сосиски. И у меня сформировалось представление, что опека — это надзирательный орган, обязанности которого, собственно, в том и заключаются, чтобы ходить по квартирам и ставить на вид. На практике я имела дело с пятью опеками и еще с несколькими поверхностно пообщалась. В каждой работало сколько-то дам разной степени приветливости (мужчин я там не встречала). Все они были завалены миллионом дел и буквально погребены под стопками бумаг; перспектива идти на разборки в какую-то неведомую квартиру привела бы их в глубокое уныние.

Обязанности опеки — устраивать брошенных детей в учреждения и семьи, ходить по судам, вести дела опекунов и усыновителей, давать самые разные справки обычным родителям. Все это сопровождается километрами актов, отчетов и резолюций. Для сотрудниц опеки любая новая история (неважно, ужасная или прекрасная) — это дополнительная работа. Безусловно, попадаются светлые личности, которые готовы работать днями и ночами, только бы помочь еще одному ребенку. Но куда чаще встречаются обычные ленивые тетки, которые кого угодно встретят унылым зевком. Это не значит, что лично ты им не нравишься. И даже если так — какая разница? Вы вместе защищаете право ребенка на семью, вот и все. Если опека не рвется защищать права ребенка, а требует лишние документы и тянет время, явно нарушая закон, — это повод для того, чтобы позвонить в департамент соцзащиты или прокуратуру. Иногда достаточно даже и не звонить, а только выразить такое намерение — и закон прямо на глазах молниеносно одолеет хаос во славу мира на всей земле.

Этой пафосной риторике я, как ни удивительно, обучилась в ШПР. На первом же занятии меня поразило то, что нас стали готовить к бою с инстанциями. Поразило меня это потому, что, как мне казалось, Школа приемных родителей — часть той же государственной машины, что и опека, и детдом, и суд, и банки данных детей-сирот. Но потом я столкнулась с тем же боевым настроем и в опеке, и в детдоме, и в банке данных. Как выяснилось, совершенно все госслужащие, связанные с сиротской темой, уверены, что именно они образцово ведут дела. Наш детдом — лучший. Сотрудники нашего банка данных — самые

квалифицированные. В нашем приюте работают замечательные воспитатели. Зато вот там — полный бардак. Будто соревнование какое-то право слово, и каждый из участников считает, что именно он играет на стороне ребенка. Я тоже втянулась, куда деваться, — вот такой параллельный мир, вот такой странный квест. В Школе приемных родителей в основном учат борьбе с чиновниками — ну ладно, почему бы нет, действительно полезно, даже и вне всякого усыновления. Об особенностях приемных детей написана тонна книг, но таких внятных советов по борьбе с инстанциями в них не встретишь.

Формально занятия во всех ШПР примерно одинаковые, есть утвержденная общая программа, разбитая на блоки: социальный, юридический, психологический, медицинский. Но в реальности занятия ведут конкретные люди, и у всех свой опыт и свои представления о том, чему именно надо учить потенциальных приемных родителей. К тому же ШПР открыли немало — только в Москве их около шестидесяти, — а где найти столько специалистов? На мой взгляд, стоило бы приглашать в такие школы опытных приемных родителей, которым можно было бы задавать какие угодно вопросы*. Но в моей ШПР подобное не практиковалось. Никто из наших преподавателей не имел приемных детей — как мне показалось, они и по работе с ними особо не сталкивались. И возникало ощущение, что (за рамками отличного курса борьбы с инстанциями) мы просто делимся друг с другом самыми общими соображениями

.....

* ШПР с преподавателями из числа приемных родителей сейчас довольно много.

о том, почему детдом — это зло, а детдомовские дети такие проблемные. В итоге многие из тех вопросов, что у меня были, остались без ответа, а в чем-то меня даже дезинформировали.

Но зато нас никто не запугивал! Уже взяв двоих детей, я по какому-то делу обратилась в другую ШПР — и была потрясена тамошней обстановкой: потенциальных приемных родителей буквально отговаривали от идеи взять ребенка, убеждая их, что справиться с детдомовцами практически невозможно, и их не ждет ничего, кроме детских криков и слез. Тамошний психолог похвасталась передо мной тем, что, ура, отговорила очередную пару. «А что, они хотели взять трудного подростка?» — пытаюсь понять ее восторг, спросила я. «Нет, малыша», — ответила сотрудница. Я так и не поняла, что за этим стояло*. Положим, бывают случаи, когда семья действительно не справляется и ребенка возвращают в детдом. Но есть и статистика таких возвратов: известно, что в основном детей возвращают родственники, старшие сестры, тети, дяди и особенно бабушки и дедушки, которые берут ребенка под опеку из этических соображений и быстро выгорают, потому что у них не хватает ни душевных, ни физических сил**. А так, чего

* Та сотрудница долго работала в детском доме, занималась устройством детей в семьи и имела самый печальный опыт.

** В последние годы возвратов стало больше (до 14% от устроенных детей) — видимо, это связано с тем, что опека активно популяризировалась и поощрялась на государственном уровне, в опекуны потянулись самые разные люди (в их числе и я), детей стали чаще забирать, и в семьи попали совсем сложные дети, с которыми может справиться далеко не каждый. При этом количество детей в сиротских учреждениях постоянно сокращается. Так, в 2010 году в России в семейном устройстве нуждались примерно 140 000 детей, в 2015 — 87 000. На конец 2020 года в обще-

уж, никто не застрахован: сегодня ты бодр и весел, а завтра у тебя обнаружили рак — и что теперь, разве тут подстелешь соломку? Насколько я знаю, почти все мои одноклассники не сошли с дистанции и таки взяли приемных детей — по-моему, это здорово. Потому что при любом раскладе детдом — это зло.

Я очень рассчитывала на то, что встречу в ШПР единомышленников, которые станут моими друзьями. При этом я предполагала, что мои одноклассники будут благополучнее меня: я по случайности снимала квартиру в довольно престижном и дорогом районе, а ШПР нашла на соседней улице. Но, пожалуй, только одну семейную пару и незамужнюю даму-юриста (причем именно она в итоге решила никого не брать) можно было назвать обеспеченными: я ходила на занятия вместе со школьным учителем, врачом-терапевтом, косметологом, подростковым психологом, отставным военным, сотрудником издательства, офисным менеджером — словом, с самыми обычными людьми, для которых вопрос о потенциальных ежемесячных выплатах на ребенка был совсем не лишним. Однако обнаружилось, что желание взять ребенка объединило нас ничуть не больше, чем объединил бы, например, роддом, особенно во время родов. Люди разные, системы координат и ценности у всех свои, вдобавок дети и их воспитание — такая нервная тема! Когда другие рассказывали о том, как и за что, по их мнению, стоит хвалить и ругать ребенка, не важно, своего или приемного, я думала: «О ужас! Что за дикость!» Впрочем, с одной

.....
русской базе «Усыновите.ру» около 42 000 детей. В приемных семьях россиян на данный момент воспитывается около 450 000 детей.

одиноким мамой мы все же подружились, но скорее вопреки, чем благодаря. Она растила дочку-школьницу, хотела удочерить новорожденную девочку — и удочерила*.

Еще я думала, что родители людей, которые берут детдомовских детей, непременно их поддерживают и одобряют. И переживала, что я-то своей маме даже сказать про эту идею боюсь. Потому что она точно будет против. Я думала, что если об этом узнают в опеке, то скажут: «Похоже, семья-то у вас не слишком дружная! Можно ли вам доверить чужого ребенка, если вы не в силах наладить отношения и с собственной мамой?» А выяснилось, что так почти у всех. Бабушки с дедушками, тети и дяди поддерживают стремление взять чужого ребенка крайне редко, почти всегда они категорически против, и опека ничего другого и не ждет.

Есть объективная проблема в том, что для получения заключения о возможности быть опекуном необходимо письменное согласие всех людей старше десяти лет, проживающих с тобой в одной квартире (а таковыми считаются все, кто там прописан). Но из этой проблемы есть неожиданный выход. Если ты получаешь заключение о возможности быть усыновителем, то ничье согласие тебе не требуется. Потому что у нас до сих пор существует такая поразительная вещь, как тайна усыновления, то есть за тобой закреплено право врать даже собственной маме. Ты можешь говорить, будто пять, или десять, или семнадцать лет назад ты родила ребеночка, и теперь он будет жить

.....

* Позднее эта мама удочерила еще одну новорожденную девочку; теперь она растит трех дочерей и совершенно счастлива.

с вами! Возникает вопрос: а можно ли с этим усыновительским заключением взять ребенка под опеку или в приемную семью? Ответ: да! По крайней мере, мне это удалось, причем два раза.

Выяснилось и то, что идея взять чужого ребенка вообще мало кому близка. Конечно, я не надеялась, что моему решению будет аплодировать весь подъезд. Но и к обрушившимся на меня потокам треша я оказалась совсем не готова. К моему удивлению, многие мои друзья принялись рьяно меня отговаривать, припоминая случаи неудачного усыновления среди отдаленных знакомых. Они говорили о том, что моя жизнь превратится в ад, дом разрушится, кровные дети меня возненавидят, а приемные по-любому вырастут зверьми (сколько волка ни корми, а он все в лес смотрит!) и рано или поздно нас съедят. Но больше всех меня потряс хозяин квартиры, которую мы благополучно снимали без малого шесть лет: узнав, что я собираюсь взять ребенка, он сначала сентиментально поздравил меня с этим «героическим решением», а потом доложил о нем своим родственникам; родственники тут же вообразили, что я пропишу к ним «своих детдомовцев», а те не замедлят «оттяпать квартиру», и принялись буквально выгонять нас на улицу, пустив в ход невероятные обвинения и угрозы. Это было настолько внезапно и настолько некрасиво, что противно вспоминать.

Сложности со съемной квартирой были крайне нехотели еще и потому, что я уже собрала документы и вступила в переговоры с опекой по месту жительства. Именно опека по месту фактического проживания дает заключение о возможности быть усыновителем или опекуном. После того

как ты относишь в опеку пакет документов, к тебе должны прийти, чтобы проверить, как ты живешь: вдруг у тебя посреди квартиры стоит миномет, гостиную ты сдаешь артели строителей, а у детей вместо игрушек коробок спичек и дохлая крыса. Но в тот прекрасный день, когда к нам уже собиралась пожаловать опека, выяснилось, что мы не проживем в этой квартире необходимый срок в полгода, потому что нас выгоняют. Узнав об этом опека отказалась выдать мне заключение. Объяснив, что если мы с приемным ребенком будем жить не здесь, а где-то еще, то заключение должна дать тамошняя опека.

К тому моменту я успела не только полюбить по случайному ролику в интернете одиннадцатилетнюю детдомовскую девочку, но уже и пообещала детдому вскоре за ней приехать. Меня охватило отчаяние, и я совершенно растерялась. В порыве этого отчаяния я отправилась в опеку по месту своей прописки, и там, о чудо, обнаружила самую светлую личность, какую только можно вообразить. Выслушав мою историю о трусливом хозяине квартиры и детдомовской девочке, сидящей на чемоданах, инспектор опеки преисполнилась ко мне сочувствием и обещала разрулить ситуацию. В итоге именно она убедила предыдущую опеку все же составить акт о необыкновенных достоинствах моей съемной квартиры, лично наведаясь в мою квартиру по прописке (лежавшую на тот момент в руинах и абсолютно непригодную для проживания кого бы то ни было) и выдала мне нужное заключение. Я была поражена таким деятельным проявлением доброй воли абсолютно незнакомого мне человека, и вспоминать об этом мне очень приятно.

Что же до американцев, которые якобы брали большую часть наших сирот с инвалидностью, — это не совсем так. Статистика усыновлений доступна на сайте американского посольства, из нее следует, что американцы, как и наши соотечественники, наиболее охотно усыновляли в России новорожденных детей, преимущественно девочек. Что касается инвалидов — посмотрим статистику, например, за 2011 год. Граждане США усыновили в 2011 году 89 наших детей-инвалидов; российские граждане в том же году забрали 1250 детей с инвалидностью (624 ребенка под безвозмездную опеку, 412 под возмездную опеку и 214 под усыновление).

Сравнивать число российских и иностранных усыновлений в те времена не вполне корректно: если иностранцы могли только усыновлять наших детей, то для российских граждан, как видно из приведенной статистики, существовали (и существуют по сей день) и другие формы семейного устройства: опека и приемная семья, когда дети растут в семьях, но при этом продолжают считаться сиротами. Большинство наших граждан (в том числе и я) предпочитают опеку: так семья получает дополнительные деньги, а у детей сохраняются все льготы (государство, например, обязано обеспечить их жильем, когда они вырастут). Усыновленный ребенок юридически приравнивается к кровному и лишается льгот. Поэтому сами чиновники часто убеждают приемных родителей в том, что в интересах ребенка — сохранение статуса сироты. Вдобавок стать опекуном ребенка гораздо проще: для этого достаточно простого постановления. Усыновление же — судебная процедура

со всей положенной канителью. И если посмотреть статистику за любой год, можно увидеть, что под опеку детей берут в разы чаще. Например, в 2014 году в семьи российских граждан было передано 62 972 ребенка (из них 1666 инвалидов), однако усыновлено при этом было всего лишь 6616 детей (из них 123 инвалида), то есть приблизительно в десять раз меньше*.

---

* Я хотела найти более актуальную статистику, но, увы, в открытых источниках (раньше ее публиковали, например, на сайте «Усыновите.ру»), ее больше нет. Однако порядок цифр, видимо, остается примерно тем же.

Глава 2

Выбор ребенка

Я представляла себе выбор ребенка так: есть базы данных, где публикуются анкеты детей-сирот, видеоролики с их участием, — ты все это смотришь, выбираешь того, кто тебе наиболее симпатичен. Потом звонишь по телефону, который дан на страничке, тебе все про ребенка рассказывают. Если тебя ничего не пугает, ты приезжаешь в опеку ребенка со своими документами, получаешь направление на знакомство — и вот: вы встретились, он тебе симпатичен, ты ему тоже симпатична, и вы вместе уходите в светлую даль.

Ну, отчасти — в том, что касается самого алгоритма, — примерно так и есть. Однако выяснилось, что все эти анкеты и ролики не дают о ребенке объективной информации. Ребенок может оказаться совсем не похож на свои фото и описание. В его деле могут быть перепутаны любые данные: от диагнозов до возраста. В анкете могут быть упомянуты братья и сестры, которые давно живут в других семьях. И наоборот: судя по анкете, ребенок вроде один — а нет, их там семеро. Что ж говорить о его характеристике — иногда ее пишут люди, которые никогда ребенка не видели.

Велика вероятность, что и в опеке про ребенка ничего толком не знают: ну есть у них какие-то документы, акты

обследования квартир, медицинские заключения, постановления суда, и что? Много ли вы сами могли бы рассказать о человеке, имея на руках такие документы? Вроде и был сотрудник, который вел кровную семью ребенка и мог поделиться своими впечатлениями, но он уволился.

Сотрудники детдомов рассказывают про детей неохотно и не слишком честно, у них есть на то свои причины. Дирекция обычно абсолютно не заинтересована в том, чтобы передать ребенка в семью: в сиротских учреждениях подушевое финансирование, и если детей мало — денег тоже мало, вдобавок учреждение и вовсе могут закрыть. Так что ждать какого-то внятного взаимодействия тут не приходится. С воспитателями не так просто связаться. При этом они, со своей стороны, могут придерживаться удобных, покладистых и умных детей, стараясь побыстрее устроить детишек с более сложным характером: так агрессивный ребенок в их описании становится сильной личностью, неуправляемый — активным и любознательным, упрямый — волевым и усидчивым. Накладывается и множество субъективных факторов: некоторые работники сиротских учреждений из тех, кого я встречала, были откровенно странными, они генерировали невероятные фантазии про детей, их личности и истории.

Выходит, тому, что говорится о детях, просто невозможно верить. Вдобавок то, как ребенок проявляет себя в детдоме, не слишком его характеризует. Дети, оказавшиеся в сиротских учреждениях, прежде всего дико напуганы и заняты выживанием: представьте, что вы на полном ходу выпали из поезда или бежите от маньяка с ножом — насколько вы в этом состоянии сами на себя похожи? И это при том, что вы-то взрослый, вы умеете себя вести

и преодолевать стрессы, с вами рефлексия, культура, опыт, а ребенок — ну он же как зверек. И если в детдоме он выбирает ластиться к взрослым, чтоб не пропасть, это вовсе не значит, что по своей природе он такой уж добродушный и ласковый: когда страх проходит, человек меняется.

Среди приемных родителей часто обсуждается, что в сиротских учреждениях ставят ошибочные диагнозы. Ну да, это так, и механизм тут очень понятен: со своим ребенком, если у него есть какая-то проблема, вы ходите к одному специалисту, к другому, к третьему и со всеми будете разговаривать. Вы найдете информацию об этой проблеме в сети, у вас будет свое мнение. А если за ребенка никто толком не отвечает, в его медкарту попадают все подряд соображения и подозрения, с которыми некому поспорить. При этом каких-то реальных проблем могут и вовсе не заметить, списав их на естественную для ребенка-сироты задержку развития. Так что и в том, что касается здоровья ребенка, заочно нет никакой ясности.

Ролики, которые снимают волонтеры или журналисты, бывают совершенно волшебными, проникновенными и трогательными. Но это же реклама, пусть и социальная. Причем производители товаров несут за свои слова куда большую ответственность, чем сентиментально настроенные граждане, которых несет на волне светлых чувств и желания помочь сироткам. И вот перед нами уже не просто до смерти перепуганная малышня, а любители математики, юные изобретатели, увлеченные кулинары, талантливые артисты. Выясняется, что едва говорящие (а то и вовсе не говорящие) ребята мечтают стать врачами и учителями, летчиками и пожарными, строителями и археологами.

Моя приемная дочка Саша рассказывала о съемках подобной программы так: «Ну, они мне говорят: “Ты что любишь?” Я отвечаю: “Ну, там... пожрать, поспать... подраться люблю”. А они мне: “А еще что?” Я отвечаю: “Ну... в компьютерные игры поиграть”. А они мне: “А в семью-то ты хочешь?” Я отвечаю: “Да не слишком, мне и тут хорошо”. А они мне: “Не, ну так дело вообще не пойдет! Что же нам с тобой делать?” Говорят: “Может, ты на какие-то кружки ходишь?” Я отвечаю: “Конечно, мы тут все ходим на кружки, чем же еще заниматься после школы”. — “На какие?” — “Ну, там... из бисера плетем, на шелке рисуем, из бересты вырезаем”. — “И что, получается у тебя?” — “Да конечно, нам же говорят, как что делать, мы по инструкции”. — “Во! — говорят. — Давай так: ты одаренная художница. Об этом и расскажешь!” А я им: “Как же я буду рассказывать? Я не умею”. А они говорят: “Ну мы тебя будем спрашивать, а ты отвечай, а потом мы наши вопросы вырежем, и получится отличный рассказ!”» Рассказ, подтверждаю как зритель, получился и в самом деле отличный! Идиллический. Безо всяких «пожрать, поспать и подраться».

На занятиях в Школе приемных родителей будущих опекунов постоянно прессуют фразой «Важно подобрать не ребенка семье, а подходящую семью для конкретного ребенка». Имея в виду: «Это не вы выбираете себе ребенка, это мы выбираем детям родителей». Но эта фраза лишена всякого смысла, потому что никаких «мы» не существует и подобным подбором никто не занимается. Возможно, в некоторых детдомах и водятся психологи, размышляющие о том, какая семья подошла бы тому или иному воспитаннику.

Но я таких не видела, во-первых, и с трудом верю в эффективность подобного подбора, во-вторых*.

Направление на посещение ребенка выдается любому желающему с заключением о возможности быть опекуном — пока ребенка посещает один кандидат, с ним не знакомится другой. И только от кандидата зависит, заберет он ребенка или нет. Дети старше десяти лет тоже должны написать свое согласие, и это отдельная история, но она связана не с пылкими детскими симпатиями и антипатиями, а с политикой конкретного детдома и количеством треша у ребенка в голове. Например, в детдоме, где жила моя приемная дочка Саша, был силен миф, будто приемные родители на самом деле ищут рабов, которые будут целыми днями

.....

* Безусловно, было бы очень здорово подбирать ребенку семью, которая сможет без особых усилий удовлетворять именно его потребности. Да и самой семье с таким ребенком будет куда проще: это же вопрос о том, совместимы ли вы и будет ли вам вместе комфортно. Например, я могу сказать, какой ребенок хорошо бы чувствовал себя в нашей семье: с опытом привязанности, сохранным интеллектом, без психиатрических проблем и длительного пребывания в сиротском учреждении, достаточно независимый, спокойного или даже вялого темперамента. При этом пол, возраст, внешность и группа здоровья, на которые в первую очередь обращают внимание потенциальные опекуны, не так уж важны. То есть обычно подбор ведется по несущественным критериям — по-хорошему, нужно искать не «здорового пятилетнего мальчика», а ребенка, я бы даже сказала человека, с которым именно ты сможешь нормально взаимодействовать. Другое дело, что детей, с которыми можно нормально взаимодействовать, в детдомах тоже немного, а откуда же взять опытных родителей для всех остальных? В любом случае пока наши практики семейного устройства бесконечно далеки от этого идеала, и потенциальные опекуны выбирают детей совершенно случайным образом, преимущественно по анкетам, которые содержат только формальные сведения. Ну и понятно, что вообразить себе веселую девочку с рыжими волосами или дружных черноглазых мальчишек-близнецов куда интереснее, чем какого-то гипотетического ребенка неопределенного возраста, потребности которого тебе было бы легко удовлетворять.

драить их дом. А основной характеристикой будущих родителей считалось их материальное благосостояние*.

Вот вы пришли знакомиться с ребенком — и все дают вам понять: решить, хотите ли вы его забрать, надо как можно скорее. Потому что, если вы будете посещать ребенка без явного намерения его забрать, это нанесет ему ужасную травму. Вы и сами так чувствуете: ходить к ребенку без готовности его взять — свинство. Никаких особых условий и сценариев для ваших свиданий у детдома нет, часто не находится даже отдельной комнаты, где вы можете пообщаться, — все происходит вздорно, спонтанно, бестолково, и даже стены давят; по сути, вы говорите свое «да» еще до встречи и берете кота в мешке. Редко бывает, что вам удастся познакомиться с ребенком как-то случайно, например в детском доме работают ваши знакомые, они ведут детишек в музей, и вы встречаетесь там и тусуетесь вместе, не стараясь друг другу понравиться**.

Обычно у вас нет возможности пообщаться с ребенком до того, как вы специально приходите с ним познакомиться. А это уже искаженная реальность, когда все так

* Дело не в мифе. А в том, что во многих детдомах детей так балуют и отпускают, что они начинают считать унизительным любой труд, в том числе и самообслуживание, и ждут по сути не родителей, а спонсоров. Это самая общая проблема.

** Сейчас многие детские дома проводят дни открытых дверей, так называемые Дни аиста, на которые может прийти любой желающий. Это спорная традиция, но она существует, и посмотреть на детей со стороны вполне реально. Некоторые фонды, например «Арифметика добра», организуют совместные поездки потенциальных приемных родителей и детей-сирот — именно для того, чтобы у них была возможность познакомиться в неформальной обстановке.

нервничают, что уже не способны трезво видеть друг друга. И даже если мозг посылает вам сигнал: нет, что-то не то, — ребенок уже настроился, и перед ним стыдно, опека уже настроилась, и перед ней неловко, детдом, со своей стороны, строит козни, которым надо противостоять, и общее напряжение напрочь глушит тревожные сигналы. Есть люди с крепкой нервной системой: в поисках «своего ребенка» они ходят по самым разным сиротским учреждениям, знакомятся со множеством детей, советуется с независимыми врачами и психологами, пишут отказы, идут знакомиться снова. Но мой опыт скромнен: обоих детей, на посещение которых мне выдали направления, я забрала.

Изначально я хотела взять маленькую девочку. Я думала: у меня есть маленькая Яся, и если взять еще одну девочку, лет четырех-пяти, то они смогут играть вместе. Но когда я стала смотреть анкеты и видеоролики, то заметила, что мальчиков там гораздо больше и симпатичные мальчики встречаются гораздо чаще, чем симпатичные девочки. Мне было понравилась одна девочка с удивительным именем Адель, но вскоре ее ролик исчез, то есть девочку забрали. Уже потом я узнала, что девочек забирают куда чаще и охотнее, таков общий тренд. Среднестатистический приемный родитель ищет здоровую маленькую девочку без братьев и сестер. Ну а в базах больше всего мальчишек-подростков; если здоровые маленькие девочки туда и попадают, то надолго не задерживаются. И я стала думать: возьму-ка я лучше мальчика, все ж девочек у меня уже две, а мальчик всего один. Я выбрала по видеобазе нескольких мальчиков, но ни про кого из них не пыталась узнать

больше — у меня не было на руках заключения, и я боялась, что его могут не дать*.

Пока я собирала документы, почти всех мальчиков, которые мне нравились, забрали. Постоянный просмотр роликов стал нашим общим с дочкой Леечкой ритуалом. В самарском доме ребенка был светленький улыбчивый мальчик, который нравился нам обеим; как раз его почему-то никто не брал. И мы решили, что, как только мне дадут заключение, мы его и возьмем. Я мечтала о том мальчишке, представляла себе, как он впишется в нашу семью, — в общем, все шло своим чередом. Тогда я еще не знала, что если малыша долго не забирают, то объяснение этому только одно: у ребенка ну совсем серьезный диагноз**.

В какой-то момент моя новая подруга, обретенная в Школе приемных родителей, прислала мне ссылку на телепередачу, рассказывающую о детях-сиротах: каждый выпуск программы был посвящен одному ребенку, причем снимали в основном детей школьного возраста. Подруге понравилась там одиннадцатилетняя девочка. Мне эта девочка не слишком приглянулась, но я стала смотреть другие ролики, листать страницы сайта программы. И увидела Сашу, ту самую «одаренную художницу». Она понравилась уже мне. Саше

.....
* В то время многие опеки готовы были рассказывать о детях и при отсутствии такого заключения, но теперь не так; теперь все потенциальные опекуны вносятся в общую цифровую базу и, если тебя там нет, с тобой даже разговаривать не станут.

** Да нет, причины бывают самые разные: мама восстанавливается в правах, родственники хотят забрать, опека плохо работает, детдом недружелюбен и т. д. В то время анкеты в базах данных были очень немногословны, там не было никаких сведений о здоровье ребенка и его родителях; сейчас эта информация есть.